

Глеб Шубиных

ПИСЬМА ИЗ ЗАВОЛОЧЬЯ

От Вологды до Великого Устюга полтысячи километров, и большую часть пути дорога идет в безлюдной глуши, нет даже вышек связи. Чаща расступается, чтобы пропустить широкую реку, поразительную в своих высоких, как в Сибири, берегах. Снова лес, лес. Через два часа хорошая дорога кончается, скорость падает до велосипедной. Это единственная дорога, которая связывает город с внешним миром.

Устюг и есть такой город-остров — памятник зыбкости культурного и рыночного величия, которые в контексте большой истории никогда не имели решающего значения. Идеальная почва для меланхолии, но она здесь отсутствует — когда до большой земли *так* далеко, чувствуешь не уныние, а прилив энергии. Не то что притяжение Москвы — Вологды с Архангельском здесь почти не чувствуется.

Мое путешествие в Устюг началось в Германии, причем самым неожиданным образом. Однажды в Берлине моя добрая приятельница повела меня в музей экспрессионизма. Услышав русскую речь, с нами заговорила средних лет смотрительница. Она была из иммигрантов и первые годы провела в Любеке, где, оказывается, родился и вырос будущий русский святой Прокопий Устюжский. То есть он был немцем, этот святой, и звали его сначала Якоб. Потом она стала говорить о картинах. Ее претензии к немецким художникам были экзистенциального свойства, она считала, что людей в принципе нельзя изображать уродами, «для человека это оскорбительно».

История с музеем будет иметь продолжение, пока же в Устюге полночь, здесь тихо и темно, как в деревне. Слышно тьякканье собаки и пахнет дымом. Однако утром под окнами такой шум, словно это Садовое кольцо. Машины снуют с невероятной озабоченностью, и все они едут за реку, где поля засажены чем-то желтым. После обеда дорога пустеет. Видно, работы в городе мало и делают они ее быстро, чтобы заняться — но чем? Ни театров, ни клубов в Устюге нет,

ближайший книжный магазин в Вологде, а единственный кинотеатр и тот закрывают.

Сухона и Юг, на слиянии которых стоит Устюг, образуют Малую Северную Двину. Ниже в нее впадет Вычегда, Малая становится Большой и катит к Архангельску в море. Устюг — от Юга (устье Юга), здесь был перекресток главных транспортных потоков допетровской Московии. Вниз по Двине шли в Белое море: Дания, Голландия, Англия. Или волоками в Новгород, это города ганзейского союза. А вверх по Югу или Сухоне (ударение на первый слог), либо в Шексну и на Вологду, либо через Каму в Казань, то есть Волгу, на Восток. Из бассейна в бассейн (из Двинского в Камский, например) корабли тащили волоком, страну «за волоками» называли Заволочьем, а жителей *чудью заволоцкой*. Кто «сидел» на волоках, на входе в Заволочье, то есть имел с чуди пушнину. Меха, которые мы видим на портретах османских султанов, отсюда и на персидских тоже. Что ввозили? «Ювелирку», бумагу, пряности, вино. Третью голландского экспорта составлял металл, из которого чеканились московские деньги. Оружие, сукно (в особенности шерстяные ткани). А вывозили лен, сало, мед, пеньку, кожи, меха и черную икру с Каспийского моря. Валютой был *талер*, ефимок по-нашему, Карл V чеканил его в местечке Иоахимсталер, откуда и пошло русское название (Иоахим-Ефим-*ефимок*), и это тот самый талер, который потом станет долларом. Торговля шла на восток, и волоки перемещались, и сказочно мерцающее *заволочье* отодвигалось тоже. Русь и весь, югра и коми, и славяне, бежавшие от монголо-татарского разорения, здесь смешались. На улицах Устюга и сегодня поражает количество светловолосых людей.

К 1917 году в Устюге было около полусотни церквей и храмов, и довольно большая часть уцелела, что само по себе невероятно (значит, расстояние все же имеет значение). Храмовый центр города называется «соборное дворище», которое язык норовит переименовать в «сборище», поскольку церкви стоят одна к другой, как сдвинутая посуда. Это самый впечатляющий архитектурный ансамбль XVII века, который мне приходилось когда-либо видеть. Любоваться им лучше всего с противоположного берега Сухоны. Тогда этот вид заставляет забыть о себе и времени. Большая редкость, чтобы в рамку одного пейзажа не влезло какое-нибудь советское или современное

убожество. А здесь такое ощущение, что попал в фотографию Прокудина-Горского.

Из-под фундамента главного храма города — Прокопия Праведного — на улицу смотрит большой бурый камень, где по легенде сиживал сам юродивый, хотя любимая его «точка обзора» находилась не здесь, а при слиянии Юга и Сухоны, где первоначально находился будущий Устюг, тогда еще Глядень. Но из-за подвижности речного русла его перенесли на новое, нынешнее место. Прокопий, тогда еще Якоб, родился в первой половине XIII века и был сыном немецкого купца. Он пришел в Устюг из Новгорода, где в одну из торговых поездок, out of the blue — ушел от купцов-товарищей из фактории, роздал отцово богатство на монастырь и нищим, принял православие и заключился в Хутынском монастыре (куда в основном и пошли его деньги). Житие датирует это событие серединой XIII века. Со слов опять же летописных, Якоба якобы поразила полнота религиозной жизни Новгорода, красота церковной архитектуры, колокольные звоны и все прочее, что невозможно перечислить, ибо недостоверно и недоказуемо. Что было причиной на самом деле? Этого мы никогда не узнаем. Возможно, да. Возможно, нет. Однако имя одного человека нужно назвать обязательно, и это Франциск Ассизский; великий нестяжатель и странник, чья проповедь именно в то время проникла не в одну душу. И вот немец Якоб словно буквально следует примеру безумного итальянца. Тот тоже вел отцово дело в чужих землях, пока не бросил — а Якоб бросил, когда его отец умер, погиб на войне. Дальше оба судьбу выбирали сами, Франциск отшельничал и странствовал по Италии, а Якоб остался в Новгороде. Но в монастырь на заключился (как уговаривали старцы), а пошел «буйствовать» (юродствовать то есть). Молитве и уединению предпочел активную проповедь — что было опять же в точности по Франциску Ассизскому. Правда, в Новгороде осесть Прокопию не удалось, Христа ради юродивых там и без него хватало, и он ушел искать другую аудиторию. Отправился в свободное плавание.

Устюжское барокко невозможно ни с чем спутать, пятиглавые храмы возносят купола как паруса на мачтах. Они плывут над лесом. Картуши на фасадах часто сравнивают с рулонами морской карты, а сами храмы с двухпалубниками, хотя какие парусники у русских купцов в XVII веке? Какие карты? Барки, звезды. В этой архитекту-

ре больше стремления за горизонт, за мечтой о богатстве и славе, о новой хорошей жизни. До выхода Петра на Балтику Устюг слыл богатейшим городом Севера, и движителями его прогресса были — купцы. Просвещенные в странствиях, они изукрашивали храмы «по виденному» в Москве и Европе, тем более что строгих правил тогда не было, а только рамки традиции (пятиглавье, крестово-купольная, шатровая). И чтобы перещегоолять соседа, разумеется. Скажу кстати, что подобный всплеск новой архитектуры в России случился только в эпоху модерна, и снова локомотивом выступило европейски просвещенное, путешествующее купечество. Морозовы, Рябушинские — модерн в Москве это их заказы, их вкусы.

Самым ярким (хотя, может, и не самым крупным) храмом Устюга я бы назвал Вознесенский. Соорудил эту церковь купец Никифор Ревякин в воспоминание о московском храме Рождества Богородицы в Путинках, только у Ревякина вышло повыше и погуще с узорочьем. Этот купец входил в Гостиную сотню (тогдашний «список Форбса») и часто бывал в Москве. В одном из приделов церкви сохранился допетровский иконостас «на тяблах» — это когда тянули от стены к стене балки, а между ними как на полках расставляли иконы.

Почему Прокопий выбрал Устюг, а не Архангельск или Тотьму? Неизвестно. Может, город на большой реке напоминал ему родной Любек, а может, здесь его наконец перестали гнать. Ходил он, как и Франциск Ассизский, в одном платье, хотя что хорошо в Италии, трудно представить на русском севере — житие изобилует рассказами о чудесной «морозостойкости» юродивого (которая, впрочем, совершенно не трогала скупые сердца северян). А три кочерги, которые он всегда таскал с собой — то ли три реки символизировали, то ли Святую Троицу, неизвестно. Предание сообщает только, что кочергами этими он любил постукивать под окнами живших семейно, хотя чаще сидел над рекой в одиночестве, встречал и провожал барки. Или бродил по городу, призывая жителей к покаянию. Но никто его не слушал, никто не воспринимал всерьез. Да и говорил он — на каком языке? А гнали в основном из-за запаха, от которого «даже собаки шли от него». Он и был как собака. Понять, чего лает, невозможно, а прибить — жалко. И только задним числом понимаешь, чего эта собака надрывалась.

Антикварным лавкам русской провинции я мог бы сложить оду. Кашин, Егорьевск, Галич, Нерехта, Волочек, Углич, Касимов, Кострома... Все разные и всё в них зависит от того, кто торгует. Есть закутки размером с тамбур, где каждый предмет с любовью подобран и сам просится в руки. А бывает — целый магазин, а смотреть не на что. В Устюге тоже есть антикварный, и ничего, кроме монет (судя по витринам), здешних жителей не интересуется. Икон мало, сундуков, самоваров, бутылей мало, да всего мало; голые стены в советских вымпелах. Однако именно здесь я нашел то, что нигде раньше не попадалось. Ерунда, мелочь — заглушки для воздуховода, здесь они подпирали дверь; сразу не заметишь. Известно, что в антикварных нужно торговаться, но устюгский продавец сказал «нет» так спокойно, даже равнодушно, что я не удержался и спросил: почему? Это вещь редкая, ответил он.

«В один день блаженный стал усердно ходить по городу и призывать людей к покаянию. Ибо настало последнее время и грядет суд Божий, говорил он на площадях и рынках, и потемнеет небо, и обрушится на головы нечестивых град камней огненных. Люди же смеялись над ним. Он тогда удалился в храм Успения Богородицы и молился там. На третий день молитвы случилось по сказанному, потемнело небо, из черной тучи стали падать огненные камни и пожгли лес, и нивы, и деревню. Из людей же никто не пострадал».

Есть точная дата этого метеоритного дождя — 25 июня 1290 года. Место, где он «просыпался» и где сторела деревня, с того времени и до самого последнего времени было местом паломничества, стояла даже часовенка. На главной иконе, которая хранится в ревякинской церкви Вознесения, Прокопий изображен под черной тучей, из которой языками вылетают огненные звезды. А вторым его чудом было пророчество о судьбе Стефана Пермского. Вот, повторяю, и все, что известно. Но. Важно ведь не *как* или *что* было (или было придумано), а то, как это «было/не было» реализует себя во времени. Потенциал истории. В 20-х годах XX века Любек стал одним из центров русской жизни в эмиграции. При кирхе Святой Екатерины образовался православный приход, церковь стала, само собой, Прокопьевской, она и сейчас действует. А в самой кирхе (по легенде) когда-то крестили Якоба. Одна из древних икон с изображением юродивого, вывезенная в революцию, находится здесь. Можно сказать, Прокопий вернулся

в родной город, такая вот неожиданная рокировка. Хотя почему неожиданная? Эмигранты; без дома; шли из города в город; начинали жизнь с чистого листа. Это история и вообще не о чудесах или пророчествах, она о смене участи. Бог, история, фатум — можно ли человеку без вмешательства извне переменить в себе всерьез хоть что-то? Легче реки повернуть вспять, чем стать другим хотя бы на миллиметр (человек от сигареты-то отказаться не может). Бросить все и уйти от мира, уйти в мир? Как и чем «накапливается» подобное решение? Именно поэтому каждый раз мы с таким вниманием всматриваемся в судьбу людей, которым эта перемена, этот побег — удался. Франциск Ассизский, Прокопий Устюжский, множество святых и подвижников. Да что ходить далеко — Лев Толстой. Чудо ведь не в том, что человек все бросил. А в том, что произошло в его душе, чтобы он сделал выбор. Возможен ли вообще для человека нашего времени свой путь? Возможны ли сегодня юридические, я хочу сказать?

* * *

...Все это были картины времен Веймарской республики. Грубые гоголевские лица, грубые позы и жесты. «Дегенеративное искусство», персонажи из «Королька» Набокова. Как вдруг происходит вот что. Немолодая, невысокая, в мешковатом синем костюме — смотрительница. Стоит за створкой двери (я еще подумал: так в «Бесах» стоял Кириллов перед выстрелом, наверное).

— Вы как хотите, а я на это смотреть не могу.

Это она говорит на чистом русском.

— Простите?

— Наверное, это особенность взгляда художника, — говорит моя спутница. — Такими они нас видят.

— Каким человека видишь, таким он и будет, — она.

В дверях появляется смотритель-немец.

Та переходит в другой зал.

Знаками подзывает.

— Человек по природе злой или добрый?

Это она спрашивает, когда мы подходим.

— Добрый, — говорю я.

— Искусство должно возвышать или нет?

Мы переглядываемся.

— Да.

— Где ж *здесь* возвышение?

Она показывает рацией.

— Мне как человеку унизительно это видеть. Мне...

Снова появляется немец.

— Приятно было пообщаться.

Это говорит моя спутница.

— Долго мне здесь не продержаться. — Это говорит она.

Ее уверенность поразительна.

— Почему ж?

— Из прошлого музея меня через четыре дня выгнали.

На прощание я даже не знаю, что пожелать ей.

Откуда она?

Откуда вообще такие берутся?

— Из Прокопьевска.

Это она говорит перегнувшись через перила, когда мы уже выходим из музея.

— Кемерово знаете?

Сперва я не придаю этому значения, но когда мы садимся в парке на лавку, все ж набираю название в интернете.

Ну, разумеется!

Так вот и складывается книга путешествий.

